

ЛІНГВОФІЛОСОФІЯ

ЛУКИН О. В.

*(Военный финансово-экономический ин-т Военного ун-та, г. Ярославль)*ФИЛОСОФСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ
ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

This article deals with philosophical and logical categories and their influence on the formation and development of the theory of parts of speech. The author shows changes in philosophical and logical foundations of the theory at different historical stages, these being the main explanation of its present state. The facts provided in the article prove a research into the theory of parts of speech based on more than two centuries investigation experience and new scientific approach to be actual and well timed.

Key words: *parts of speech theory, philosophy, logic, categories, gnosiology, ontology, a priori, a posteriori, descriptive, prescriptive, form, content, universal (uniform), individual.*

История частеречной теории – это в значительной степени история того влияния, которое оказывала философия как *наука наук*, как *мать наук* (см. [Meulen 1990, с. 430]) на языкознание, это отражение – в большей или меньшей степени опосредованное другими факторами общественного развития – философских школ и направлений, представленных в тот или иной период времени. Применение к языку критериев философии и логики продолжалось по меньшей мере до XIX века. Еще в XVIII веке грамматические особенности языка нередко, хотя и не всегда, определялись в философских терминах, различия между языками игнорировались, все описания втискивались в рамки латинской грамматики (см. [Блумфилд 1968, с. 22]).

Зависимость языкознания от философии настолько сама собой разумеется, настолько привычна и традиционна, что ее нередко попросту не замечают. Для решения лингвистических проблем слишком часто прибегают к авторитету философии, используя понятия этой науки, ср: „В большинстве случаев, однако, ... пытаются найти ответ с помощью всякого рода философских рассуждений, оперируя такими терминами как «субъект», «объект», «предикат» и т. д.“ [Блумфилд 1968, с. 17].

Философская составляющая проблемы частей речи на протяжении более чем двух тысячелетий ее существования едва ли утратила свое значение. Только теперь рассматривается она совсем в иной научной парадигме. Для иллюстрации этого положения достаточно привести лишь небольшой пассаж из «Логико-философского трактата» великого философа XX века Л. Витгенштейна: „Понимать предложение означает знать, что происходит, если оно истинно... Его понимают, если понимают его составные части. Перевод с одного языка на другой протекает путем перевода каждого *предложения* одного языка в *предложение* другого: переводятся лишь составные части предложения. (И в словаре дается перевод не только имен существительных, но и глаголов, прилагательных, союзов и т. д.; и все они рассматриваются одинаковым образом)“ [Витгенштейн 1994, с. 20–21].

В истории частеречной проблематики постоянно сменялись периоды, которые в корне отличались один от другого своими отправными идеями. Здесь можно говорить о взаимосвязи самого языкознания с теорией познания: языкознания как эмпи-

рической (ср. [Бюлер 1993, с. 20; Кибрик 2001, с. 41]) науки или как априорной (ср. [Husserl 1901, S. 287]) науки, всецело зависящей от философии и логики, о периодах дескриптивного и периодах прескриптивного языкознания, и так далее. Естественно, что преобладание то одного, то другого начала в общей теории языкознания, равно как и комбинаций названных подходов в различных теориях не могли не накладывать своего самого определенного на всю частеречную проблематику в тот или иной период времени, в той или иной концепции частей речи.

В теории частей речи **онтологическое** и **эпистемологическое** едва ли не со времен Аристотеля находились в самых непростых отношениях, обуславливая этим последующие проблемы и противоречия. Можно сказать, что идеалистические построения онтологии Платона в чем-то предвосхитили не только появление, но и многие противоречия теории частей речи. Учение Платона об идеях, отражением которых является окружающий мир, стало своего рода первопричиной многих сегодняшних противоречий в частеречной теории, в том числе смешение онтологического и эпистемологического (особенно в рамках т. н. семантического критерия классификации частей речи). Бытие по Платону нематериально, бытие – это совокупность умопостигаемых форм, сущностей, т. е. идей, ср.: „Платон синтезировал раннегреческую онтологию в своем учении об «идеях». Бытие, по Платону, есть совокупность идей – умопостигаемых форм или сущностей, отражением которых является многообразие вещественного мира“ [Доброхотов 1983, с. 458].

С гносеологических позиций проводился и анализ содержания речи (суждения, предложения). Любое суждение обязательно состоит из предмета сообщения и собственно сообщения. Платоновские «логос», «онома» и «рема» – это и есть суждение, предмет и сообщение, и лишь потом – предложение, имя и глагол. Гносеологический анализ и привел вначале к противопоставлению двух частей речи – имени и глагола, а выделение и описание остальных стало производным, вторичным.

Систематизация и развитие Аристотелем идей своего учителя никак нельзя назвать таковым в подлинном смысле этого слова, ибо онтология Аристотеля – это уже описание физической реальности, а не мира идей, ср.: „Аристотель систематизировал и развил идеи Платона, однако его вариант онтологии является скорее описанием физической реальности с онтологической точки зрения, чем изображением автономной реальности «идей»“ [Доброхотов 1983, с. 458]. Впоследствии оба древнегреческих мыслителя оказали исключительно важное влияние на формирование западноевропейской онтологической традиции, в русле которой, заметим, проходила свое становление и другая западноевропейская традиция – частеречная. При этом онтология идей и онтология физической реальности никогда явно не противопоставлялись друг другу.

Для теории частей речи важны как онтологические и гносеологические, так и ономазиологические и когнитивные аспекты этого феномена. С онтологической точки зрения языки отражают материю, движение, различные типы отношений. С **ономазиологической** точки зрения речь идет о разнообразии лексических значений слов и общих категориях, под которые они подводятся. **Когнитивное** направление связало ответы на эти и другие вопросы с репрезентацией знаний в человеческом разуме, строением ментального лексикона и памяти, с разными структурами знаний и разными способами их бытия в сознании человека, принципами восприятия мира.

Противопоставление в частеречных теориях понятий «**априори**» и «**апостериори**» стало особенно актуальным в эпоху рационализма. Несомненность и

самоочевидность доопытных знаний заложены, по мнению рационалистов, в человеческом интеллекте. С этих позиций понятна идея рациональной грамматики как грамматики вообще, врожденной и независимой от отдельных языков. Рациональная грамматика и части речи рассматриваются, таким образом, как априорные явления, из чего следовало, что не существует и не может существовать объективных критериев классификации частей речи.

При апостериорном подходе критерии классификации выявляются лишь тогда, когда достигнуты ее первые результаты: классификация начинается с того, что сначала определяются связи сравниваемых языков по сходству в отношении как можно большего количества признаков, затем на основе матрицы коэффициентов сходства устанавливаются сами классы.

В зависимости от направления и школы язык и его части речи представляются одним исследователям как свод тщательно перечисленных фактов, а другим – как модель, построенная на основе априорных постулатов (ср. [Мельников 1969, с. 44]). При этом типологи XX века обращают особое внимание на методы описания, а не на его результаты, так что интерпретация той или иной типологической схемы на материале конкретных языков выступает более как иллюстрация возможностей такой схемы, нежели ее результат (ср. [Успенский 1969, с. 6]).

В плане отношения **эмпирического** и **теоретического** история теории частей речи вполне закономерно проходит ряд этапов, основным критерием разграничения которых является отношение к аристотелевским категориям. Появление и обоснование теории частей речи в античной философии было развитием учения Аристотеля о категориях на примере древнегреческого языка. Перенос этой теории на латинский язык, а затем ее догматизация на протяжении многих и многих столетий (вплоть до конца Средних Веков) стало вторым этапом. Столкновение языковой эмпирии многих и многих языков и старой, по сути своей, философской теории, оказалось весьма трудным, третьим этапом в развитии теории частей речи. Этот этап протекает перед нашими глазами. Сущность его состоит в неудовлетворенности старой, традиционной теорией частей речи и, вместе с тем, невозможностью противопоставить ей что-либо, сопоставимое по обоснованности и признанности.

Попытки выделения и классификации частей речи, исходящие из как будто бы непредвзятых данных материала того или иного конкретного языка, так или иначе приводят исследователя к группировкам, сопоставимым с традиционными частями речи, известными со времен александрийцев. Даже если этих группировок во много раз больше, мы вольно или невольно объединяем их: одни – в существительное, другие – в глагол, третьи – в прилагательное и т. п.

В истории частеречной теории категории **дескриптивного** и **прескриптивного**, с одной стороны, и эмпирического и теоретического, с другой, взаимосвязаны. На протяжении значительного периода истории изучения языка в его арсенале находились лишь философские инструменты, а сами исследователи языка, начиная со схоластов, видели своей задачей не исследование живого языка, а догматизацию философских законов, установленных античными мыслителями, и на их основе предписание, как следует правильно говорить и писать. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением А. Мартине о том, в чем состоит задача исследователя языка и чем «научное» отличается от «прескриптивного»: научное исследование человеческого языка как предмет лингвистики основывается на непредвзятом наблюдении фактов, в отличие от прескриптивного; беспристрастное наблюдение не должно уступать места языковому регламентированию ([Мартине 1963, с. 368-369]).

Одним из наиболее важных аспектов частеречной проблематики является связь **формы и содержания** языковых явлений. Именно формальную и содержательную точки зрения традиционная грамматика постоянно смешивала. Традиционные части речи во многом служат еще свидетельством универсальности содержательно-ориентированного описания языка, с другой стороны, они должны стать инструментом формального анализа в грамматических описаниях различных языков. Постановка вопроса о приоритете либо формальных, либо содержательных признаков частей речи, некорректна, так как форма и содержание языковых единиц существуют в диалектическом единстве как материальное и идеальное. С момента своего возникновения теория частей речи рассматривала феномен «части речи» не с формальной, а с содержательной (логической, онтологической, гносеологической и др.) точек зрения. Наложение на содержательные критерии формальных привело к тому, что нередко называют смещением критериев классификации, а по сути является смещением формы и содержания языковых явлений.

Связь частеречной проблематики с **логикой** имеет самое немаловажное значение, т. к. вся история этой проблематики разворачивалась на фоне взаимоотношений между логикой и языкознанием. Связь языкознания с логикой изначальна: сам термин «логика» обозначал словесное выражение мысли, черты сходства и различия логических и грамматических структур всегда были предметом изучения разных школ логики. Грамматические категории частей речи и логические категории находятся между собой в отношениях, которые никак не сводятся к отражению последних первыми. В истории развития европейской языковедческой традиции с VI в. н. э. непосредственно с логикой были связаны три этапа из четырех. Первый (VI-XII вв.) был периодом появления схоластической логики, когда грамматика стала ее вспомогательной дисциплиной. Во второй (XIII-XIV вв.) грамматика становится частью философии и ключом к пониманию природы человеческого мышления, именно тогда и возникает логико-грамматическая школа модистов. В четвертый, «рационалистический» период (XVII-XVIII вв.), декартовская революция заставила филологов искать новые логико-рационалистические принципы исследования языка (см. [Арутюнова 1990, с. 274; Бокадорова 1990, с. 146]). Такой значительный отрезок времени, столь тесно связанный с логикой, оказал влияние на дальнейшее развитие как языкознания вообще, так и частеречных теорий в частности. Однако статическое отождествление грамматики, онтологии и логики в мышлении рационалистов, приведшее к концепции универсалий, встретило противодействие со стороны историко-генетического мышления в XIX веке.

Классическая двухвалентная (аристотелевская) логика с ее тремя директивными аксиомами выражает цели как мышления, так и определенного языковедческого сознания. Как предметная логика, она ориентируется только на изобразительную функцию языка, поэтому вынуждена вступить в конфликт с лексикой и грамматикой естественных языков. Конфликт формальной логики с лексикой и грамматикой отдельных языков нашел свое решение в трех основных направлениях. Первое, представленное грамматикой Пор-Рояля, пыталось так преобразовать лексику и грамматику естественного языка, чтобы они лучше соответствовали принципам классической логики. Второе направление (XVII-XVIII вв.) стремилось создать универсальный язык науки. Третье (новое время) обозначало логические отношения особыми нотационными знаками (см. [Köller 1988, S. 182]). В историческом плане критика логических основ грамматики привела к четкому отграничению языковых и логических категорий друг от друга, что позволило анализировать языковые формы

без оглядки на категорії логіки і видвинуло на передній план морфологію.

Многочисленні непослідовності в теорії частей речі во многом восходят к понятію «категорія». «Категорії» традиційної емпіричної граматики – це общеприняті поняття, які змішуються з класами слів і встановлюються на неоднорідних основах при одночасному використанні різних критеріїв. Сучасний стан частеречної проблематики не в останню чергу залежить від стану сучасної гносеології, ставлять перед собою інші задачі, ніж у часи Аристотеля, і не прагнуть до створення своєї системи категорій.

Определенную роль в розвитку частеречної проблематики зіграли категорії **И. Канта** і **Г. Гегеля**, сложившіся в рамках філософії ідеалізму, що передвизначило особливості пов'язаних з ними частеречних теорій. Кантіанські категорії – якість (реальність, заперечення, обмеження), кількість (єдність, множина, цільність), відношення (субстанція і властивість, причина і дія, взаємодія), модальність (можливість і неможливість, дійсність і недійсність, необхідність і випадковість) – представляють собою незмінні форми мислення, упорядковують людський досвід (див. [Спіркін, Ярошевський 1983, с. 251]). Категорії Гегеля – буття (якість, кількість, міра), сутність (основа, явлення, дійсність, до якої відносились субстанція, причина і взаємодія), поняття (суб'єкт, абсолютна ідея, об'єкт) – представляють породження абсолютної ідеї) (див. [Спіркін, Ярошевський 1983, с. 251]).

Части речі необхідно розглядати в широкому контексті їх системних зв'язків з усім, що стосується вивчення людини як носія мови. Важливу роль в теорії частей речі грає аналіз проблеми «**висказування**» і «**ситуація**». Теорія частей речі безпосередньо пов'язана з проблемами, стосуються загальних принципів концептуалізації дійсності і питань онтології, понять «**мир**», «**ситуація**» в філософському, логічному і лінгвістичному аспектах, форм їх проявлення в мові. При такому підході всі фактори мови трактуються як засоби концептуалізації світу в установленні номенклатури, структури і способів зв'язку онтологічних об'єктів. В якості головної мовної форми вираження можливого світу розглядається пропозиція, основу якої складають іменник і предикат (див. [Переверзев 1998, с. 24-32]).

Ситуація внемовної дійсності, описувана мовними засобами, складається з події і його учасників. На семантичному рівні їй відповідає пропозиція, що складається з предиката і його аргументів. Спосіб мислительного членення дійсності на ситуації визначає семантичну природу предиката. В плані мовної форми предикату відповідають дієслова, а аргументам (термам) – іменні, хоча такі відношення не завжди однозначні (див. [Кибрик 2001, с. 200]).

Знання про частях речі входять в якості обов'язкового компонента в комплексі знань будь-якої людини. Мовні правила є частиною **когнітивного** апарату людини, тому що мови – найбільш характерний тип її когнітивної діяльності (див. [Лакофф 1988, с. 31]). На мовному рівні дійсність спрощується за допомогою мови, причому на кожному рівні по-різному. На лексичному рівні мови сумує індивідуальне під когнітивними зразками або поняттями; на рівні граматики мова йде про формування спрощених структурних моделей (див. [Köller 1988, S. 191]). Все це закономірно пов'язано з частинами речі, які прийнято

рассматривать прежде всего как лексико-грамматические категории. Упрощение действительности и абстрагирование от нее, классификация ее явлений по понятиям или когнитивным образцам, освобождение от многих индивидуальных черт, происходящие на лексическом уровне, закрепляются на уровне грамматическом в форме типичных образцов отношений между собою лексических единиц – слов, т. е. частей речи.

Все люди независимо от национальности имеют одинаковый когнитивный аппарат. Будучи знаковыми системами, все языки вынуждены иметь практичную внутреннюю организацию, делающую их способными к употреблению и функционированию. Поэтому все знаковые системы должны иметь знаки называния и знаки организации или интерпретации (т. е. знаменательные и служебные части речи). Если все люди обладают одинаковым в структурном отношении когнитивным аппаратом, то с его помощью создаются похожие когнитивные образцы. Следовательно, мы вправе ожидать и закономерно находим в разных языках весьма похожий набор группировок слов, именуемых частями речи, и только в этом смысле части речи универсальны.

Роль **универсального** в теории частей речи принято связывать со сложившейся традицией, когда языковые явления дефинируются и описываются на основе интуиции, а не строгого научного анализа. Части речи несомненно являются лингвистическими универсалиями, хотя универсальные свойства частей речи нередко выводятся не из отдельно взятых языков, а из особенностей человеческого отражения окружающего мира в категориях, приписываемых человеческому разуму вообще (ср. [Robins 1970, p. 35]). Наиболее релевантны в этом плане следующие положения:

- языки имеют различные структуры, а мир материально един для всех людей независимо от их языка;
- в зависимости от структуры языков весь объективный мир предстает носителям каждого из них в своем преломлении;
- грамматики греческого и латинского языков навязывали исследователям – носителям других языков – свои типологически обусловленные принципы строения. Универсальность общей теории частей речи состоит, прежде всего, в трех положениях:
- текст любого языка членится на определенные, в большей или меньшей степени соотносимые со словом части;
- эти части по ряду признаков отличаются друг от друга;
- все эти части обусловлены общностью человеческого мышления.

Индивидуальное и универсальное в языке диалектически связаны между собой. Путем сравнения языков можно лишь установить, какие грамматические формы, выступающие в качестве когнитивных образцов, обладают в большей или меньшей степени, чем другие, языковой и культурной спецификой. То, что одни и те же явления действительности могут выражаться в одном языке иной частью речи, нежели в другом, свидетельствует о необходимости типологического изучения таких явлений, имеющих под собой основу в виде различных картин мира отдельных языков.

Литература

Арутюнова Н. Д. Логическое направление в языкознании// Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 273–275.
Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с. Бокадорова Н. Ю. Европейская языковедческая традиция// Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская

энциклопедія, 1990. – С. 146–147. *Бюлер* К. Теорія мови. Репрезентативна функція мови. – М.: Прогрес Універс, 1993. – 502 с. *Витгенштейн* Л. Логіко-філософський трактат// Філософські роботи. Частина I. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с. *Доброхотов* А. Л. Онтологія// Філософський енциклопедичний словар. – М.: Советська енциклопедія, 1983. – С. 458–459. *Кибрик* А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Универсальное, типовое и специфичное в языке. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с. *Лакофф* Дж. Мышление в зеркале классификаторов// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогрес, 1988. – С. 12–51. *Мартино* А. Основы общей лингвистики// Новое в лингвистике. Вып. III. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – С. 366–566. *Мельников* Г. П. Язык как система и языковые универсалии// Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. – С. 34–45. *Спиркин* А. Г., Ярошевский М. Г. Категории// Філософський енциклопедичний словар. – М.: Советська енциклопедія, 1983. – С. 251. *Успенский* Б. А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языков// Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. – С. 5–18. *Husserl* E. Logische Untersuchungen. Zweiter Theil, Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. – Halle a. S.: Max Niemeyer, 1901. – 718 S. *Köller* W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S. *Meulen* A. T. Linguistics and the philosophy of language// Newmeyer F. J. (ed.) Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. I. Linguistic Theory: Foundations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – pp. 430–446. *Robins* R. H. Diversions of Bloomsbury: Selected Writings on Linguistics. – Amsterdam, North-Holland Pub. Co., 1970. – 376 p.

НІКУЛЬШИНА Т. М.

(Горлівський автомобільно-дорожній ін-т Донецького нац. тех. ун-ту)

ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ ТЕОРІЇ МОЖЛИВИХ СВІТІВ

The article is devoted to the study of logical, philosophical and linguistic aspects of the theory of possible worlds. The notion “possible worlds” is investigated and detailed. The peculiarities of the semantics of possible worlds are highlighted.

Key words: *theory of possible worlds, possibility, necessity, modal logics, mental space.*

Лінгвістичні ідеї на початку ХХІ століття характеризуються пріоритетністю аналізу пізнавальних можливостей людини, взаємозв'язку мови та мислення. Сфера нереалізованих можливостей породжує серйозні роздуми над найскладнішими проблемами людського буття, гранями випадкового, можливого і реального.

У семантичному просторі мови існують світи, які не є копіями того, що існує у дійсності насправді. Ці мисленнєві простори отримали назву “можливі світи”.

Актуальність обраної теми зумовлена важливістю дослідження проблеми Мультиверсуму, генерацією нових теорій та уявлень про світ, оскільки введення ідеї множинності світів протистоїть класичним уявленням про єдиний незмінний світ – Універсум.

Мета статті полягає у дослідженні теоретичних засад теорії можливих світів – логіко-філософського та лінгвістичного аспектів. Поставлена мета реалізується шляхом вирішення таких основних **завдань**:

- уточнити зміст поняття “можливі світи”;
- з'ясувати розуміння понять “можливість” та “дійсність”;
- розкрити особливості семантики можливих світів.

Предметом вивчення становить логіко-філософський та лінгвістичний аспекти.